

Детство архимагов

Автор:

[Александр Рудазов](#)

Детство архимагов

Александр Рудазов

«Город Симурурум стоит на Нижнем Забе, притоке великого Тигра. Эти места – часть провинции Мадга, что лежит на северо-востоке империи Шумер. Здесь правит железная десница императора Энмеркара и божественная воля всемогущего Мардука.

Вчера Шумер отмечал наступления месяца гуд-си-са. Это хороший месяц, приятный и спокойный. В нем не проводится полевых работ, нет и важных храмовых праздников...»

Александр Рудазов

Детство архимагов

Город Симурурум стоит на Нижнем Забе, притоке великого Тигра. Эти места – часть провинции Мадга, что лежит на северо-востоке империи Шумер. Здесь правит железная десница императора Энмеркара и божественная воля всемогущего Мардука.

Вчера Шумер отмечал наступления месяца гуд-си-са. Это хороший месяц, приятный и спокойный. В нем не проводится полевых работ, нет и важных храмовых праздников. Гугали[1 - Гугаль – управляющий орошением.] в этом месяце обычно устраивают большую чистку оросительных каналов, а лугали любят с кем-нибудь повоевать, но простого люда все это никак не касается.

Мастер Ахухуту всегда любил этот месяц. Сейчас он сидит в своей лавке, ушами следя за обычным гомоном кара, а глазами – за великолепной чашей, принимающей под его руками окончательный облик. За такое чудо можно будет взять немало сиклей[2 - Сикль – мера веса, 1/120 кГ. Употреблялся также в качестве денежной единицы.]...

В лавке Ахухуту лучшая керамика во всем Симуруме – никто другой не умеет так искусно выбить из глиняного шара нужную форму, а затем обжечь ее в горне. У Ахухуту отличный горн – двухъярусный, с четырьмя поддувалами. За каждым поддувалом трудится специальный раб – и горе ему, если огонь ослабнет хоть на минуту!

Еще мастер Ахухуту знает множество секретов, чтобы посуда при обжиге не трескалась – он подмешивает туда не только солому, навоз и шамот, как все гончары, но и золу, редкие растения, толченый уголь, даже толченые раковины. Никто не знает, для чего Ахухуту так щедро платит уличным мальчишкам за сбор улиток – хороший мастер не раскрывает секретов кому попало.

Но главное, что так ценят покупатели в вазах и чашах Ахухуту – их роспись. Сверло-бутероль в руках искусного гончара – продолжение его пальцев, оно так и мелькает по керамическим стенкам, оставляя за собой тонкие линии, на глазах становящиеся прекрасным рисунком. Звери, рыбы, растения, люди и даже боги – все подвластно художнику, все подчиняется умелой руке. Каждый сосуд Ахухуту – целый рассказ, история. Настоящий ценитель не купит чашу с уже знакомой историей – он всякий раз требует нового. И мастер Ахухуту дает ему новое – он еще ни разу не повторился, не опустился до копирования того, что уже было.

Каждое творение Ахухуту – уникально.

Умелый мастер отложил в сторону бутероль и взял кисточку. Чтобы рисунок получил настоящую глубину и красоту, его нужно раскрасить. Здесь не обойтись без точного глаза – ошибись чуть-чуть в оттенке, и картинка не оживет, останется всего лишь пятном краски. Ахухуту пристально вглядывается в линии на гладкой поверхности чаши, но уши по-прежнему впитывают окружающий шум, вычлняя из него все мало-мальски интересное.

В шумерских городах основная торговля идет в речной гавани – каре. Здесь встречаются все – купцы, рыбаки, скотоводы, гонцы. Шум гавани – это

настоящая музыка, если уметь ее слушать. Плещет вода, скрипят весла гребцов, затоны всегда полны парусными ладьями и речными баржами. Товары ввозят и вывозят, отправляют вверх и вниз по реке. На пристани постоянно толчется народ – у каждого свое дело, каждый чем-то занят.

В лавку то и дело заходят покупатели, рассматривая готовые сосуды и перекидываясь с хозяином словом-другим. Лавка Ахухуту расположена в хорошем месте – у центрального канала, возле самого горла. Слева питейный дом госпожи Нганду – это выгодное соседство, там всегда много посетителей. Справа финиковый сад, принадлежащий храму Нанны, – это тоже выгодное соседство, слуги лунной богини частенько делают заказы у Ахухуту.

У берега собралась гомонящая толпа – стражники суда кого-то казнят. Конечно, женщину – только женщин положено казнить через утопление. Мужчин убивают топором, и не здесь, а рядом с воротами суда. Если же преступник не мужчина и не женщина (скажем, евнух или содомит), его сажают на раскаленный медный кол. Лучше всего приходится рабам – их вообще нельзя казнить. Ведь раб – это вещь, имущество.

Разве можно казнить неодушевленный предмет?

Единственное, что слегка раздражает почтенного мастера – стайка кар-кида, «шляющихся по рынку». Проклятые блудницы собрались именно возле его лавки и отвлекают посетителей глупым смехом и непристойностями. Куда смотрит наместник, почему позволяет это непотребство? Ведь в Симурруме есть многочисленная община жриц-харимту – священных блудниц богини Инанны, да будет вечно благословлено ее любвеобильное чрево. Они хороши лицом и прекрасны телом, часто моются, носят дорогие одежды, пользуются лучшей косметикой, искусны во всех видах наслаждения и совсем недорого берут за свои услуги. Так зачем же нужны еще и эти уличные шлюхи, лишь разносящие дурные болезни?

Была бы на то воля Ахухуту, всех бы их давно отправили на дно затона...

Вернулся один из рабов-разносчиков, почтительно поклонился хозяину, положил перед ним низку серебряных колец-сиклей и прикрыл ладонями лицо, ожидая новых повелений. Ахухуту пересчитал монеты, убедился, что заказчик честно заплатил за свою вазу, и указал рабу уже подготовленный сверток.

– Доставишь почтенному Думузигамилю, что живет направо от ворот священной ограды, рядом со школой писцов, – распорядился мастер.

– Повинуюсь, хозяин, – склонил голову раб, взваливая на плечи погребальный сосуд.

У несчастного Думузигамиля недавно скончался малолетний сын – он заказал самую лучшую урну. Жаль его, конечно, но Ахухуту здесь улыбнулась удача – если бы ребенок прожил еще хотя бы несколько месяцев, то вошел бы в совершеннолетие, и тогда для похорон потребовалась бы уже не урна, а плетеная циновка.

– Потом вернешься за другим заказом, – неохотно приказал Ахухуту, бросая взгляд в угол.

Там уже третий день лежат четыре безупречно расписанных чаши большого размера, приготовленные для старого мага-кассита, живущего на окраине. Конечно, заказчик даже не подумал прийти за ними сам – где это видано, чтобы маг утруждал ноги по такому низменному делу? Не присылает и рабов – проклятый старик полагает, что мастер-горшечник должен доставить его заказ прямо к порогу.

Ахухуту вовсе не против – но за такую услугу следует добавить несколько монет. Однако этот скряга, держащийся за свои сикли, как нищий за чашу для подаяний, наотрез отказывается хоть чуть-чуть приплатить.

А ссориться с магом – дело не самое умное, даже для столь уважаемого мастера...

Среди зевак, глазеющих на казнь, внимание Ахухуту привлек мальчишка, отрешенно жующий медовую лепешку с изюмом. Лет четырнадцати-пятнадцати, худой, смуглый, черноволосый, одетый в один только набедренник-юбку, он показался мастеру смутно знакомым. Кажется, почтенный Ахухуту уже видел его здесь несколько дней назад...

– Отрок! Отрок, подойди сюда! – крикнул мастер, уверившись, что не ошибся.

Зычный бас пузатого горшечника с легкостью перекрыл обычный шум кара. На зов обернулись десятка два мальчишек разного возраста, но почти все тут же вернулись к прежним занятиям. К лавке подошел только один – тот, которого звали.

– Чем могу служить, почтенный мастер? – даже не подумал склонить голову мальчишка.

Нахальные серые глаза таращатся прямо на лицо Ахухуту. Однако, судя по длинным волосам, отрок принадлежит к свободным авилумам, а покрой сандалий указывает на знатное происхождение, так что мастер не стал отчитывать наглеца.

– Поправь меня, если ошибусь, отрок, но не тебя ли я некоторое время назад видел вместе с касситским абгалем[З - Абгаль – мудрец, ученый человек.] Джи Беш, коего близкие друзья именуют Халаем?

– Меня, почтенный мастер, – кивнул мальчишка, сунув в рот последний кусок лепешки и облизнув пальцы.

– Ты, вероятно, его новый ученик? Сколько тебе лет? Четырнадцать, не так ли?... Под каким именем ты известен?

– Мне пятнадцать лет, почтенный мастер. Отец оказал мне честь, даровав собственное имя – Креол. И я действительно ученик старого демонолога Халая...

– Тогда это очень кстати, что я увидел тебя здесь и сейчас, – широко ухмыльнулся Ахухуту. – У меня к тебе поручение, отрок. Видишь эту корзину с чашами? Это заказ твоего учителя, он уже оплачен. Возьми его и отнеси туда, где живешь – думаю, тебе не нужно рассказывать дорогу?

– Мастер, я не раб и не слуга, я не должен носить грузы по твоему распоряжению, – холодно ответил подросток.

– Не забывай добавлять «почтенный», отрок, – педантично поправил его Ахухуту. – Ты прав, я не могу тебя заставить. Но если ты не исполнишь моей просьбы, при следующей встрече с абгалем Джи Беш я непременно упомяну, что

его новый ученик дерзок, непочтителен, ленив и хулит своего учителя...

- Я его не хулил! - вспыхнул Креол, гневно сжимая кулаки.

- Верно. Но кому он поверит - тебе или мне?

Ученик мага шумно засопел, исподлобья взирая на подлого гончара. Тот же упер в бока ручищи-окорока и басисто расхохотался. Огромный живот заколыхался, словно куча сырого теста.

- Хорошо, я отнесу твои чаши, почтенный мастер, - крайне неохотно пробурчал Креол, входя в лавку.

- Вот и славно. Будь всегда трудолюбив и почтителен, отрок, и ты многого добьешься в жизни, - добродушно улыбнулся Ахухуту, вновь берясь за бутероль.

Мастер остался очень доволен неожиданной удачей. Пусть ученик старого скряги немного потрудится - ему это всяко не повредит. А для своих рабов Ахухуту найдет применение и получше, чем таскаться по жаре через весь город.

Худенький подросток с трудом поволок тяжеленную корзину, кое-как взгромоздив ее на плечи. Похоже, старый Халай не слишком сытно кормит своих учеников - кожа плотно обтягивает хребет и ребра мальчишки, лопатки выступают парой крошечных крылышек.

Горшечник окинул его внимательным взглядом - да уж, этот мальчик даже спиной умудряется проявлять дерзость. Мастер опустил руки к поясу, покачал головой и крикнул:

- Отрок, а ну-ка вернись обратно!

Креол развернулся, злобно посмотрел на лоснящегося от пота Ахухуту, поставил корзину на землю, с хрустом распрямылся и подошел к прилавку.

- Чем еще могу услужить, почтенный мастер? - с явным вызовом в голосе спросил он.

Ахухуту снова покачал головой, а потом с удивительной для такого тучного человека ловкостью перегнулся через прилавок и ухватил Креола за ухо.

В его широкой ладони таких ушей мог бы поместиться добрый десяток.

– За что, почтенный?! – завопил от боли мальчишка, извиваясь под безжалостной рукой горшечника. – За что?!

– В страданиях твоего уха виновата твоя рука, – усмехнулся мастер, продолжая расправу. – Ты что же – думал, что я не замечу, маленький вонючий маским?!

– Пусти, блевотина Нергала!!! – яростно взвизгнул ученик мага. – Я тебя убью!!!

В ответ Ахухуту выкрутил ухо так, что у Креола брызнули слезы, а рот раскрылся в беззвучном крике. Кое-как перемогая боль, он пошарил у себя в набедреннике и вытащил из складки кошель с тремя снисками золотых и серебряных колец. Ахухуту протянул свободную руку, забирая свои монеты, кропотливо пересчитал их и только после этого выпустил многострадальное ухо. Оно покраснело и распухло так, что стало похожим на ломоть сырого мяса.

– Запомни то, что я сейчас скажу, ничтожный щенок, – наставительно произнес Ахухуту, цепляя кошель обратно к поясу. – Я знаю, что слишком много монет слепят глаза, но перед тем, как что-то сделать, всегда лучше подумать. Недооценка задачи – верный путь к провалу. Я сижу в этой лавке уже двадцать лет, и за это время повидал столько карманников, сколько тебе и не снилось. Если бы меня мог безнаказанно обокрасть такой неумеха, как ты, я бы давным-давно пошел по миру с чашей для подаяния. Поэтому вот тебе мой совет – иди и потренируйся как следует на чем-нибудь попроще, а потом возвращайся и попробуй еще раз. Только уже не со мной – если я поймаю тебя снова, то уже не буду так милосерден. В следующий раз я передам тебя страже суда, отрок. Ты ведь знаешь законы? Я свободный авилум, а в этом кошеле две серебряных сниски и одна золотая. В каждой сниске по шестидесяти колец, каждое кольцо весит сикль. Сто двадцать серебряных сиклей и шестьдесят золотых! До шестидесяти серебряных сиклей – малая кража, но свыше шестидесяти – уже большая, и за нее полагается смерть! Запомни это как следует, отрок!

– Я запомню! – сквозь зубы процедил Креол, кривясь от боли и злобы.

В глазах светится одно желание – убить, растоптать, уничтожить!

Пузатый горшечник смерил худенького подростка снисходительным взглядом, а потом упер руки в бока и раскатисто захохотал.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, отрок! – пробасил он, отсмеявшись. – Ты думаешь, что как только окончится твое ученичество и ты познаешь тайное Искусство, то возвратишься и превратишь меня и мою лавку в кучу пепла!

Креол изумленно открыл рот и густо покраснел. Именно об этом он и думал.

– Оставь эти глупости, отрок! – покачал головой Ахухуту, взлохмачивая Креолу волосы. – Если под этой смоляной копной есть хоть немного ума, ты поймешь, что сейчас я оказал тебе услугу, преподав полезный урок! Поверь, если наставление приправлено колотушками, оно запоминается куда лучше!

– Почтенный мастер, я благодарен тебе за наставление, – с великим трудом выдавил из себя ученик мага. – Позволь спросить – что меня выдало? Я клянусь благим Думузи, что ты не увидел и не почувствовал, как я срезал твой кошель! Как же ты узнал, что это именно я взял его, а не какой-нибудь другой вор?

– Ах-ха-ха-ха!!! – залился хохотом Ахухуту. – Твоя правда, отрок, ты довольно ловок с ножом – самой кражи я не заметил. Но вспомни пословицу – ворованный скот можно спрятать хоть в могилу, но холм все равно его выдаст. Так что в следующий раз прячь добычу лучше – твой набедренник едва прикрывает чресла, где уж скрыть под ним такой большой кошель... А теперь вернись к чашам, купленным твоим учителем, и отнеси их домой, пока я не добавил тебе еще тумачков! Я и так уже потерял с тобой слишком много времени, а мог бы истратить его на работу!

Креол, все еще с трудом удерживая потоки сквернословия, так и рвущиеся наружу, кое-как взгромоздил корзину обратно на плечи и зашагал прочь. Проклятый горшечник со своей любовью к нравоучениям! А он-то уже размечтался, как потратит легко доставшееся богатство...

– Да неси осторожнее! – крикнул ему вслед Ахухуту, заметив, как раскачивается корзина. – Если ты разобьешь хоть одну, абгаль Джи Беш изобьет тебя до полусмерти – уж я-то его знаю!

Этого он мог бы и не говорить. Креол поступил в ученики к Халаю только в прошлом месяце, но уже успел близко познакомиться с его жезлом и плеткой. Обозленный на весь мир старик колотит своих рабов и учеников по любому поводу – даже самому ничтожному.

Идти было нелегко. В Симурруме, как и большинстве городов Шумера, улицы узенькие, едва позволяющие разойтись двум пешеходам. На колесницах в городской черте ездят только по главной дороге, ведущей от главных ворот к священной ограде, окружающей дворцы и храмы, и от священной ограды к речной гавани-кару.

Все остальные улицы слишком тесны.

Креол устало перебирал ногами, стараясь не сбивать дыхание. Горячее полуденное солнце печет голову, сандалии припорошились серой пылью. Солнце и пыль – вечные спутники любого шумерского города. В это время дня все сидят по домам, ждут, пока не схлынет жара. Прохладная звездная ночь – вот время, когда шумеры делают важные дела.

Долина Тигра и Евфрата – земля древних тайн и чудес, все еще помнящая поступь богов и демонов, не так давно ведших здесь страшные войны. Империя Шумер – царство ночи и сумрака, насквозь пропитанное миазмами великого Искусства магии. Могучие чародеи вершат судьбы людей, постоянно интригуя и сражаясь, ища себе силы и власти, ища превосходства над всеми остальными. Каждый из них готов идти по трупам, чтобы только чуть-чуть прибавить в могуществе. Лишь беспощадная десница императора-полубога Энмеркара способна держать в узде этот змеиный клубок – не будь его, пылающая кровь шумерских магов давно бы заставила их перебить друг друга.

Креол начал обучение совсем недавно, но и он уже строит планы насчет диадемы Верховного Мага Шумера.

Халай Джи Беш живет в квартале для зажиточных авилумов – нищей голи здесь нет, только люди с достатком, способные прокормить хотя бы десяток рабов. Все дома до самого второго этажа покрывает обожженный кирпич – весной, когда начинаются большие дожди, улочки превращаются в потоки жирной грязи, портя побелку. Вдоль дороги сплошь идут глухие стены, лишь кое-где прерываясь низенькими дверцами либо окошками-отдушинами, забранными

решетками.

Несмотря на суровые законы, воров в Симуруме хватает.

Впрочем, дверь старого Халая оказалась незапертой. Как и большую часть времени. Красть у мага осмелится только полоумный, а действительно опасного врага не остановит такая малость, как замок.

Креол облегченно снял с плеч корзину с трижды проклятыми чашами и с трудом выпрямил спину. Войдя в дверь, он сразу оказался в сенях, темных и прохладных. В углу уютно расположился кувшин с водой для омовения ног – юный шумер не преминул воспользоваться его услугами. Так приятно после долгого пути скинуть сандалии и ополоснуть зудящие ступни в блаженной влаге, ниспосланной человеку великим Энлилем...

Надевать сандалии снова Креол, конечно, не стал. В доме – неважно, своем или чужом – даже император ходит босиком. И в храме тоже – ведь это дом бога.

Из сеней ученик мага вышел во внутренний дворик, мощеный обожженным кирпичом. Там все заливают солнечный свет, но на сей раз он не кажется жарким и мучительным, как на улице. В центре двора журчит фонтан, даря всем желающим прохладу и отдохновение.

Сейчас вокруг мирно расположились три рабыни, стирающие туники и плащи, юбки и покрывала. Рядом с самой молодой бегают ребенок – трехлетний мальчишка смеется и теребит мать, отвлекая от работы, та ласково журит его, но не больше. Пока ворчливого хозяина нет поблизости, сыночка можно и побаловать – но если он вдруг выйдет из двери, маленького раба непременно настигнет взбучка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гугаль – управляющий орошением.

2

Сикль – мера веса, 1/120 кг. Употреблялся также в качестве денежной единицы.

3

Абгаль – мудрец, ученый человек.

Купить: https://tellnovel.com/rudazov_aleksandr/detstvo-arhimagov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)